

Яворский Сергей Анатольевич

магистр права, юрист, Московская областная коллегия адвокатов, филиал № 1, Москва.
ORCID: 0009-0009-2734-9708, SPIN-код: 1205-5526, AuthorID: 1246219

Электронный адрес: 491899@mail.ru

Sergey A. Yavorsky

Master of Laws, Lawyer, Moscow Regional Collegium of Advocates, Branch No. 1, Moscow.
ORCID: 0009-0009-2734-9708, SPIN-code: 1205-5526, AuthorID: 1246219

E-mail address: 491899@mail.ru

ГИБРИДНАЯ ПРИРОДА ЗАВЕЩАТЕЛЬНОГО ОТКАЗА: ГРАНИЦЫ ВЕЩНЫХ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию гибридной природы завещательного отказа, анализируя его дуалистический характер через призму теоретико-правовых основ, практических проблем правоприменения и перспектив законодательного реформирования. Особое внимание уделяется разработке механизма трансформации обязательственных правоотношений в вещные обременения через институт государственной регистрации, что создает прецедентный потенциал для формирования сбалансированной судебной практики. *Актуальность* работы обусловлена системными коллизиями между гражданским и жилищным законодательством, приводящими к нарушению баланса интересов участников наследственных правоотношений. *Методологическую основу* составляет интегративный подход, сочетающий сравнительно-правовой анализ, критическое изучение судебной практики и доктринальных концепций. *Научная новизна* заключается в разработке дифференцированной концепции квалификации легата, учитывающей предмет и социально-экономическую цель распоряжения. Впервые обоснована необходимость законодательного закрепления критерия соразмерности обременения стоимости наследственной массы. *Практическая значимость* исследования выражается в предложении конкретных механизмов совершенствования правоприменительной практики. Результаты работы формируют целостную теоретико-прикладную платформу для последующего реформирования наследственного права России, обеспечивая синтез догматической точности и практической эффективности.

Ключевые слова: наследственное право, завещательный отказ, право следования, обязательная доля, гибридная природа, легат, отказополучатель, правосубъектность супругов.

Для цитирования: Яворский С.А. Гибридная природа завещательного отказа: границы вещных и обязательственных элементов // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2025. № 4. С. 134–145. DOI: 10.18137/RNUV9276.25.04.P.134

THE HYBRID NATURE OF TESTAMENTARY DISPOSITIONS: THE BOUNDARIES OF REAL AND OBLIGATORY ELEMENTS

Abstract. The article presents a comprehensive study of the hybrid nature of testamentary dispositions, analyzing their dualistic character through the prism of theoretical and legal foundations, practical problems of law enforcement, and prospects for legislative reform. Particular attention is paid to the development of a mechanism for transforming contractual legal relations into property encumbrances through the institution of state registration, which creates a precedent for the formation of balanced judicial practice. *The relevance* of the work is due to systemic conflicts between civil and housing legislation, leading to an imbalance of interests among participants in inheritance legal relations. *The methodological basis* is an integrative approach combining comparative legal analysis, critical study of judicial practice,

Гибридная природа завещательного отказа:
границы вещных и обязательственных элементов

and doctrinal concepts. *The scientific novelty* lies in the development of a differentiated concept of legacy qualification, taking into account the subject and socio-economic purpose of the disposition. For the first time, the need for legislative consolidation of the criterion of proportionality of the encumbrance of the value of the estate is substantiated. *The practical significance* of the research is expressed in the proposal of specific mechanisms for improving law enforcement practice. The results of the work form a comprehensive theoretical and applied platform for the subsequent reform of Russian inheritance law, ensuring a synthesis of dogmatic accuracy and practical effectiveness.

Keywords: inheritance law, testamentary disposition, right of succession, compulsory share, hybrid nature, legatee, beneficiary, legal capacity of spouses.

For citation: Yavorsky S.A. (2025) The hybrid nature of testamentary dispositions: The boundaries of real and obligatory elements. *Vestnik of Russian New University. Series: Man and Society*. No. 4. Pp. 134–145. DOI: 10.18137/RNU.V9276.25.04.P.134 (In Russian).

Введение

Завещательный отказ сочетает обязательственные и вещно-правовые элементы, что порождает системные коллизии в правоприменении. Обязательственные аспекты остаются уязвимыми без вещного закрепления, что провоцирует судебные споры и снижает эффективность защиты прав отказополучателей. Научная новизна работы заключается в разработанном механизме трансформации обязательств в вещные через критерий соразмерности стоимости наследства, основанном на критическом анализе доктрины и практики. Особое значение приобретает унифицирующая роль судебной практики, поскольку отказ в регистрации обременений сохраняет устаревшие подходы и игнорирует вещное действие легата. Перспективными направлениями исследований представляются: эмпирический анализ судебных прецедентов для выявления паттернов формализма, прогнозирование влияния цифровизации на баланс интересов с применением ИИ-моделей оценки соразмерности, а также междисциплинарный анализ мотивов завещателей. Это позволит трансформировать дуалистическую приро-

ду института в эффективный инструмент современного регулирования.

*Баланс интересов при установлении
длящихся обременений*

Научная дискуссия о возможности признания обязанности по пожизненному содержанию предметом завещательного отказа выявляет полярные позиции. Кандидат наук Н.В. Корнилова приводит в пример распространённое мнение, что «предметом завещательного отказа не может быть возложение на наследника обязанности предоставить отказополучателю пожизненное содержание» [1, с. 71], однако не предоставляет доказательств своей позиции. Вместе с тем ст. 1137 ГК РФ прямо допускает установление подобных обязательств. Судебная практика также не содержит единого подхода: пожизненное содержание не всегда квалифицируется как завещательный отказ, особенно если оно направлено на защиту интересов отказополучателя и не противоречит природе легата.

Развивая эту дискуссию, кандидат наук О.Ю. Шилохвост утверждает, что нормы жилищного законодательства¹ позволяют рас-

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 03.02.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025). П. 2 ст. 33 // Российская газета. 2005. 12.01. №1.

пределить между наследником и отказополучателем «бремя, связанное с содержанием жилого помещения» [2, с. 57]. Эта позиция находит поддержку и в практике Верховного Суда РФ, указывающего на зависимость исполнения легата от стоимости наследственной массы и подчеркивающего личный характер обязанности наследника согласно позиции о том, что «завещательный отказ исполняется наследником в пределах стоимости перешедшего к нему имущества»¹.

Для научного обоснования данной позиции следует провести параллель с алиментными обязательствами, исключенными из наследственного преемства в силу их личного характера. Это выявляет ключевое противоречие: завещательный отказ предназначен для передачи имущественных прав, тогда как пожизненное содержание может быть несоразмерным стоимости наследства. При этом нарушается баланс интересов, установленный ст. 1138 ГК РФ.

В качестве компромиссного решения предлагается признавать пожизненное содержание допустимым при условии его соразмерности стоимости наследственной массы. Для исключения неопределенности при исполнении условия такого содержания должны быть детально определены в завещании, включая периодичность, размер и характер предоставляемой помощи. Соблюдение этих условий позволяет признать пожизненное содержание предметом завещательного отказа.

Ограничения принципа следования в наследственном праве

Кандидат наук Н.А. Седова, ссылаясь на ст. 1173 ГК РФ, утверждает, что «легат предполагает обременение на недвижи-

мое имущество, право пользования которым предоставлено по завещанию легатарии» [3, с. 194]. По ее мнению, при отчуждении обремененного имущества за отказополучателем сохраняются права пользования, что создает правовые ограничения для наследников.

Однако из возможности сохранения права собственности при смене собственника не следует, что завещательное распоряжение создает вещное обременение. Тезис Н.А. Седовой, таким образом, подменяет обязательственное отношение вещным. Тем не менее важно учитывать, что «легат, будучи обязательственным правом, не создает вещного обременения, так как он не следует за имуществом при отчуждении» [4, с. 6], хотя это не исключает регистрации обременения при наличии выраженного вещного эффекта.

Консервативный подход, ограничивающий роль отказополучателя статусом кредитора, находит отклик в позиции доктора наук Ю.Ф. Беспалова. Автор указывает, что «недействительность завещания не лишает лиц, указанных в нем в качестве наследников или отказополучателей, права наследовать по закону» [5], что подчеркивает производный, а не самостоятельный статус легатария в системе правопреемства.

Основой легата является должное поведение наследника, а не автоматическое ограничение прав собственности. Лишь отдельные виды легатов, такие как право пользования жилым помещением, обладают вещным эффектом. Следовательно, легат может обременить имущество только в определенных случаях при специальном указании в завещании в пределах п. 2 ст. 1137 ГК РФ. Право следования не

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/ (дата обращения: 23.08.2025).

Гибридная природа завещательного отказа:
границы вещных и обязательственных элементов

возникает автоматически, и Н.А. Седова не дифференцирует предмет легата, обобщая его эффект, свойственный только некоторым случаям. Утверждение Седовой о сохранении права только потому, «что это легат», не соответствует практике. Сохранение права обусловлено не общей природой отказа, а его конкретным предметом и прямым указанием завещателя (абз. 3 п. 2 ст. 1137 ГК РФ). Аналогия здесь недопустима.

Согласно ст. 1119 ГК РФ, целью завещательного отказа является обеспечение воли завещателя и социальная защита обязательных наследников. Сохранение права пользования обеспечивает гарантии для зависимых лиц (супругов, иждивенцев), что объясняет введение законодателем вещно-подобного механизма для таких случаев.

Гражданский кодекс допускает применение принципа следования в ст. 209, 216 и 1137, однако не каждое право пользования носит вещный характер. Например, денежные выплаты по легату не могут обременять имущество. Легаты могут защищать жилищные права пережившего супруга или иных членов семьи, не являющихся наследниками, реализуя конституционные принципы охраны семьи и жилища по ст. 38 и 40 Конституции РФ и ст. 31 ЖК РФ.

Семейно-правовой аспект раскрывает легат как инструмент социальной защиты, не являющийся универсальным механизмом наследственного регулирования. Сравнительно-правовой анализ подтверждает законодательное признание разнородности моделей легата. Французская конструкция, где «завещательный отказ, касающийся отдельных вещей наследодателя (сингулярный легат)» [6, с. 73] сосуществует с иными его типами, опровергает попытки сведения института к единой обязательственной конструкции.

Напрашивается вывод, что легат может подразумевать обременение имущества при сохранении права пользования, связанный со сменой собственника, можно признать верным только частично. Однако подобное суждение может быть справедливым лишь в отношении завещательных отказов, например, права пользования жилым помещением, регулируемого абз. 3 п. 2 ст. 1137 ГК РФ. Более корректно можно сделать заключение, что только отдельные завещательные отказы имеют вещно-обременительный эффект. В остальных случаях действует обязательственная модель, предусмотренная п. 3 ст. 1137 ГК РФ. Таким образом, позиция Н.А. Седовой верна лишь частично, а ее избыточно обобщенная формулировка может вводить в заблуждение в научной и правоприменительной практике.

*Гибридность как системный признак
завещательного распоряжения*

Е.В. Кобчикова и Т.Г. Макаров на основании п. 2 ст. 1137 ГК РФ утверждают, что «обязательство наследника по завещательному отказу должно носить исключительно имущественный характер» [7, с. 413]. Однако термин «имущественный характер» в ст. 1137 ГК РФ не исключает включения в легат элементов, затрагивающих личные интересы, волевые предписания или ограничения правомочий распоряжения. К ним относятся: пожизненное пользование жилым помещением (абз. 3 п. 2 ст. 1137 ГК РФ), обязанность воздерживаться от продажи имущества до определенного срока и обязанность содержать определенное лицо. Эти обязательства могут иметь черты сходства с алиментными, не будучи тождественными имени. Таким образом, имущественные действия могут носить личностный, долгосрочный и опе-

кунский характер, выходя за рамки «исключительно имущественного» подхода.

В контексте дискуссии о правовой природе легата принципиальное значение имеет позиция доктора наук А.В. Бегичева о том, что «отказополучатель приобретает лишь только какое-нибудь отдельное право или несколько отдельных прав, а не совокупность имущественных прав и обязанностей наследодателя» [8], что подчеркивает особый, а не универсальный характер правового положения легатария.

Е.В. Кобчикова и Т.Г. Макаров игнорируют то обстоятельство, что легат может содержать элементы вещного права согласно абз. 3 п. 2 ст. 1137 ГК РФ. Свойство следования, присущее вещным правам (ст. 216 ГК РФ), отсутствует у обязательств. Легат, предоставляющий право пользования имуществом, обременяет саму вещь, а не только наследника. Этот вывод подтверждается теорией вещного завещательного отказа (виндикационного легата). Легат не всегда подчиняется нормам обязательственного права, как в модели «дамнационного легата» (*legatum per damnationem*), где наследник исполнял за счет наследства имущественное распоряжение в пользу третьего лица.

Следовательно, легат представляет собой смешанную правовую конструкцию, сочетающую обязательственные элементы (денежные выплаты, услуги), вещные элементы (пользование недвижимостью) и волевые установки наследодателя. Поэтому корректнее говорить об имущественно-правовом инструменте, а не об «исключительно имущественном» характере, поскольку он допускает реализацию ограниченных личных и публичных интересов.

Судебные противоречия квалификации права пользования

В деле № 2-3802/2022¹ рассматривался спор об исполнении завещательного отказа. Наследодатель С.О. завещала хабаровскую квартиру наследнику С.Е., возложив на него обязанность предоставить истцу Ш. право пожизненного проживания и пользования. После отчуждения квартиры по договору дарения С.Г., новый собственник начал препятствовать Ш. в реализации его права, изъяв ключи и ограничив доступ. Истец просил обязать нового собственника предоставить доступ и зарегистрировать ограничение права.

Суды первой и апелляционной инстанций частично удовлетворили требования о предоставлении доступа, но отказали в государственной регистрации, ссылаясь на отсутствие законодательной обязанности регистрировать такие права. Данный вывод был обжалован в кассационном порядке.

Анализ судебного акта выявляет коллизию между обязательственной конструкцией легата по ст. 1137 ГК РФ и вещно-правовым эффектом, придаваемым ему жилищным законодательством. Суды первой инстанции, отказывая в регистрации, исходили из сугубо обязательственной модели, игнорируя императив ч. 3 ст. 33 ЖК РФ. Их формальный подход свел легат к обязательственному отношению, зависящему от поведения наследника.

Необходимость судебной защиты прав отказополучателя до открытия наследства косвенно подтверждается процессуальными гарантиями для иных гибридных

¹ Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 31.08.2023 N 88-8062/2023 по делу N 2-3802/2022 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ009&n=58633#TUCzbzUMjRhSSOtY> (дата обращения: 23.08.2025).

Гибридная природа завещательного отказа:
границы вещных и обязательственных элементов

конструкций, поскольку «наследственный договор может быть оспорен его сторонами как до, так и после открытия наследства» [9].

Кассационная инстанция признала вещно-правовой характер легата, позволяющий следовать за вещью при отчуждении. Суд верно исправил ошибку, указав на специальный характер нормы, обеспечивающей защиту жилищных прав через государственную регистрацию. Однако решение кассации осталось поверхностным: оно не раскрыло доктринальных оснований гибридной природы легата и не предложило системного разрешения конфликта гражданско-правовых и жилищно-правовых норм. Фактически регистрация трансформирует обязательственное право в вещное обременение, обеспечивая свойство следования. Упущение суда в отсутствии юридического обоснования этого преобразования оставляет пространство для споров о пределах вещного элемента в различных видах завещательных отказов. Эта недоработка ослабляет прецедентный потенциал решения, поскольку не учитывает доктринальные дискуссии о соразмерности обременения стоимости наследства.

Кассация косвенно подтвердила допустимость ддящегося обременения при его имущественном характере, что разрешает коллизию в пользу отказополучателя без нарушения баланса по ст. 1138 ГК РФ. Решение могло бы быть более последовательным при интеграции норм о наследственном договоре для подкрепления вещного эффекта легата.

Анализируемое дело наглядно демонстрирует дуалистическую природу завещательного отказа, находящегося на стыке обязательственных и вещно-правовых начал. Кассационное определение отражает эволюцию правоприменения, преодолевающего догматические рамки

бинарного деления прав и признающего необходимость вещно-правовых механизмов для реализации воли завещателя.

Противоречие между обязательственной моделью ст. 1137 ГК РФ и вещно-правовым механизмом ч. 3 ст. 33 ЖК РФ представляет собой проявление законодательно закрепленной гибридности института. Именно государственная регистрация завершает трансформацию личного обязательства в абсолютное ограниченные права. Однако правоприменительная практика испытывает трудности в связи с отсутствием единой теоретической платформы для квалификации подобных правоотношений.

Суд демонстрирует понимание его смешанной сути, где обязательственные аспекты, такие как принудительное предоставление доступа и ключей, дополняются вещными через регистрацию обременения, что предотвращает эрозию прав отказополучателя при последующих сделках с имуществом, аналогично критике в доктрине подходов, подменяющих обязательственные отношения вещными без дифференциации видов легатов.

Пусть кассационное решение и восстановило силу специальной нормы, однако оно не предложило доктринального разрешения дуализма. Обнаруживается пробел в логике решения: суд не использовал аналогию со ст. 1140.1 ГК РФ, усиливающей защиту обязательной доли в наследственном договоре через сохранение прав при отчуждении. Это могло бы послужить основанием для расширительного толкования полномочий отказополучателя и исполнителя завещания, подчеркивая тренд на усиление вещного эффекта в сложных наследственных конструкциях.

Критикуемый формальный подход, отрицающий вещную компоненту, опровергается позицией кандидата наук В.Г. Не-

стояния о том, что «в российской правовой системе вещные легаты на недвижимость встречаются» [10] на практике, что подтверждает несостоятельность доктринальных возражений, основанных на буквальном толковании закона.

Научно-практическая проблема состоит в выработке дифференцированного подхода: природа легата должна определяться его предметом. Право пользования жильем как социально значимое благо закономерно тяготеет к вещно-правовой защите, тогда как иные виды отказов могут сохранять обязательственную природу. Таким образом, дело иллюстрирует не недостаток закона, а необходимость признания легата комплексным институтом, гибридная сущность которого позволяет гибко учитывать интересы всех участников наследственного правоотношения.

Процедурные ограничения регистрации комплексных обременений

В деле № 2а-1766/2023¹ рассматривался административный иск исполнителя завещания Г. к Управлению Росреестра по Алтайскому краю о внесении в ЕГРН сведений об обременении в виде завещательного отказа, возложенного завещанием на наследницу Л.

Завещательный отказ включал многочисленные имущественные обязанности: приобретение жилья для отказополучателей, периодические выплаты и финансирование религиозного строительства.

Исполнитель завещания обратился в Росреестр с заявлением о регистрации обременения прав Л. на унаследованные объекты недвижимости для предотвращения их отчуждения и защиты прав отказополучателей. Росреестр отказал, указав на отсутствие прямой нормы, позволяющей регистрацию по заявлению исполнителя завещания. Суды первой и апелляционной инстанций признали отказ законным, указав, что заявление было подано ненадлежащим образом (без электронной подписи) и рассмотрено по правилам Закона № 59-ФЗ от 2006 года², а не как заявление о государственной регистрации. Кассационный суд оставил эти выводы без изменения.

Предметом критического анализа является фундаментальный вопрос о реальных механизмах обеспечения исполнения завещательного отказа в сложных, длящихся формах. Решение суда демонстрирует, как правовая система, признавая на доктринальном уровне гибридную природу легата, на практике блокирует реализацию его вещно-правового компонента. Кроме того, судебное решение упускает возможности для признания его вещных черт, что прямо противоречит лейтмотиву статьи о гибридной природе института, где вещные элементы обеспечивают абсолютную защиту обременения, а обязательственные ограничивают исполнение рамками личных отношений между наследником и отказополучателем.

Формальный подход английского права, где «перераспределение завещанного

¹ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.02.2024 № 88а-3516/2024 по делу N 2а-1766/2023 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=125742#Pnx0hzUMpVMYklrq> (дата обращения: 23.08.2025).

² Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения: 23.08.2025).

Гибридная природа завещательного отказа:
границы вещных и обязательственных элементов

имущества возможно только на основании судебного решения» [11] коррелирует с консервативной точкой зрения, отрицающей возможность автоматического возникновения вещного обременения через легат без индивидуального судебного усмотрения.

Узкий взгляд на институт, при котором «использование наследственного имущества обязательным наследником при жизни наследователя формально не дает повода для применения» [12] норм об ограничении, соответствует консервативной позиции, отрицающей возможность сложного анализа правоотношений, возникающих из завещательного отказа, и необходимость судебного усмотрения для обеспечения справедливости.

Указание судов на ненадлежащую форму заявления и подведение действий регистрирующего органа под Закон № 59-ФЗ от 2006 года формально законно, но игнорирует системное толкование норм. Ст. 1137 и 1171 ГК РФ создают правовое основание для активных действий душеприказчика по охране наследства и защите прав отказополучателей.

Логика суда обнаруживает пробелы, особенно в игнорировании доктринальной эволюции, отраженной в Постановлении Пленума ВС РФ № 9 от 29 мая 2012 года, где подчеркивается охранительная функция исполнителя завещания по ст. 1139 ГК РФ. Это могло бы обосновать расширительное толкование регистрации как публичного механизма для вещного эффекта легата.

Отказ в регистрации по процедурным основаниям лишает институт исполнителя завещания превентивной функции и ставит права отказополучателей в зависимость от добросовестности наследника. Норма ст. 1140.1 ГК РФ демонстрирует законодательный тренд усиления защиты

слабой стороны в сложных наследственных конструкциях. Однако для прав отказополучателей аналогичный механизм отсутствует и зависит от спорного толкования правоприменителем.

Анализ кассационного определения выявляет системную проблему российской цивилистики – разрыв между теоретическим признанием гибридной природы институтов и их практической реализацией в рамках бинарной системы деления прав на вещные и обязательственные.

Консервативный подход, согласно которому «наследственный договор влечет за собой возникновение у второй стороны только права принять наследство» [13], стремится вписать новые институты в классическую схему универсального правопреемства, минуя признание их комплексной природы.

Упрощенное понимание легата проявляется в его использовании для решения узких задач, таких как «обязать его выплачивать остальным наследникам их долю в дивидендах» [14, с. 69]. По мнению кандидата наук В.О. Вяткина, легат выступает лишь простым механизмом денежных выплат, а не правом на пользование конкретной вещью.

Завещательный отказ объективно нуждается в элементах вещно-правовой защиты, особенно при недобросовестном поведении наследника. Многоплановый характер обязанностей наследницы Л. усиливает этот конфликт. Отказ в расширительном толковании полномочий исполнителя завещания означает отрицание вещно-правового измерения легата. Суд уклонился от рассмотрения ключевого вопроса о свойстве следования, законсервировав архаичную доктринальную конструкцию легата, уклонившись от рассмотрения ключевого материально-правового вопроса: может ли и должно ли право, вытекающее из за-

вещательного отказа, обладать свойством следования?

Критикуемый догматический подход является частью системной проблемы, когда «складываются реальные общественные отношения, не регулированные нормами права» [15, с. 47] из-за неспособности законодателя предложить адекватные правовые формы для реализации справедливых договоренностей между участниками гражданского оборота.

Разрешение противоречия требует законодательной работы по внесению изменений в закон о регистрации недвижимости для определения порядка регистрации обременений из комплексных наследственных конструкций. До этого права участников наследственных отношений останутся недостижимой абстракцией, а гибридная природа легата – доктринальной конструкцией.

Влияние супружеского статуса на реализацию завещательного отказа

В контексте анализа гибридной природы завещательного отказа, где вещные элементы обеспечивают абсолютную защиту обременения, а обязательственные ограничивают исполнение рамками личных отношений, правовой статус супругов в наследственных правоотношениях приобретает особое значение как категория, интегрирующая семейные и наследственные нормы для баланса интересов участников.

Правосубъектность супругов в таких отношениях не сводится к простой сумме индивидуальных правоспособности и дееспособности. Она представляет собой динамичную конструкцию, где смерть одного супруга трансформирует статус пережившего в правопреемника с сохранением обязательств, что требует учета

супружеской доли в наследственной массе для предотвращения коллизий между универсальным правопреемством и вещными обременениями легата.

Как показывает доктрина, отсутствие четкого разграничения приводит к пробелам в регулировании, когда супружеская доля не выделяется автоматически. Это усиливает уязвимость пережившего супруга перед кредиторами и наследниками, особенно если легат включает делящееся обременение, аналогичное пожизненному содержанию, требующему вещного закрепления для следования за имуществом.

Таким образом, правосубъектность супругов в наследстве выступает ключевым элементом для разрешения коллизий, требуя законодательного уточнения механизмов защиты, включая субсидиарную ответственность и медиативные процедуры. При этом необходимо, чтобы гибридная природа легата не оставалась доктринальной абстракцией, а обеспечивала реальную охрану интересов в обороте.

Перспективные направления развития института завещательного отказа

Проведенное исследование института завещательного отказа позволяет сделать вывод о его *принципиально гибридной природе*, синтезирующей обязательственные и вещные элементы, что объективно требует комплексного пересмотра существующего регулирования. Научная новизна работы заключается в разработке дифференцированного подхода к квалификации легата в зависимости от его предмета и социально-экономической цели, а также в выявлении системной коллизии между гражданским и жилищным законодательством, которая на практике приводит к неэффективной защите прав отказополучателей. Впервые обосновано, что вещ-

Гибридная природа завещательного отказа:
границы вещных и обязательственных элементов

но-обременительный эффект возникает лишь у отдельных видов легатов, прямо предусмотренных законом, и не должен распространяться на все завещательные отказы по умолчанию. Критический анализ современной судебной практики выявил устойчивую тенденцию к формально-обязательственной трактовке легата, что игнорирует императивы жилищного законодательства и охранительную функцию исполнителя завещания. Разрешение этой проблемы видится не в судебном активизме, а в целенаправленной законодательной работе, направленной на внесение изменений в Закон № 218-ФЗ в редакции от 31.07.2025 года¹ для четкого определения порядка регистрации обременений. Одновременно необходим компромиссный подход, ставящий допустимость

длящихся обременений в зависимость от их соразмерности стоимости наследственной массы, что позволит соблюсти баланс интересов наследников и отказополучателей.

Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка критериев этого баланса, анализ возможности введения субсидиарной ответственности, а также заимствование опыта германской модели наследственных договоров для усиления гарантий. Важнейшей задачей становится формирование единой теоретико-прикладной платформы, интегрирующей нормы гражданского, жилищного и семейного права, что позволит преодолеть доктринальный дуализм и обеспечить правовую определённость для участников наследственных отношений.

Литература

1. Корнилова Н.В. О предоставлении права пользования жилым помещением в качестве завещательного отказа // Актуальные проблемы права. 2023. № 10. С. 68–72. EDN VTJFRV.
2. Шилохвост О.Ю. Новеллы наследственного права в новом Жилищном кодексе Российской Федерации (критический анализ) // Журнал российского права. 2005. № 8. С. 53–64. EDN OPCTWR.
3. Седова Н.А., Минасян С.К. Проблемы, связанные с реализацией завещательного отказа // Modern Science. 2022. № 5-3. С. 193–196. EDN UXVUTB.
4. Емелина Л.А., Яворский С.А. Смешение институтов наследственного права и завещательного отказа: проблемы теории и практики // Наследственное право. 2025. № 2. С. 5–9. DOI: 10.18572/2072-4179-2025-2-5-9. EDN TSUPHK.
5. Беспалов Ю.Ф. Обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения и разрешения споров о наследовании // Наследственное право. 2021. № 2. С. 46–48. DOI: 10.18572/2072-4179-2021-2-46-48. EDN OUPRHN.
6. Сакович О.М., Соловьева С.В., Терновая О.А., Щербак С.С. Актуальные проблемы наследственного права в законодательстве зарубежных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 6 (85). С. 67–80. DOI: 10.12737/jflcl.2020.053. EDN OILROP.
7. Кобчикова Е.В., Макаров Т.Г. Правовые проблемы реализации завещательного отказа // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 4. С. 411–416. DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-4-411-416. EDN YRJDCH. [7, с. 413]

¹ Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственной регистрации недвижимости» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (дата обращения: 23.08.2025).

8. Бегичев А.В., Слуту П.Д. К вопросу о критике сингулярного правопреемства в наследственных правоотношениях // *Наследственное право*. 2021. № 2. С. 7–11. DOI: 10.18572/2072-4179-2021-2-7-11. EDN CIJWZ.
9. Форукишина Е.А. Наследственный договор и завещание: сходства и различия двух способов распоряжения имуществом на случай смерти // *Наследственное право*. 2022. № 4. С. 25–28. DOI: 10.18572/2072-4179-2022-4-25-28. EDN GFVUCE.
10. Нестолой В.Г. Вещный легат на недвижимость // *Нотариус*. 2020. № 6. С. 33–37. DOI: 10.18572/1813-1204-2020-6-33-37. EDN OBSSRL.
11. Бердегулова Л.А. Обязательная доля в законодательстве стран континентальной и англосаксонской систем права // *Наследственное право*. 2020. № 1. С. 39–42. DOI: 10.18572/2072-4179-2020-1-39-42. EDN JAIYGT.
12. Евсеев Е.Ф. Ограничение права на обязательную долю в наследстве: в поисках баланса прав и законных интересов наследников // *Закон*. 2023. № 2. С. 155–171. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-2-155-171. EDN AIUVBL.
13. Хохлов И.В., Форукишина Е.А. К вопросу о наследовании жилых помещений посредством наследственного фонда и наследственного договора // *Семейное и жилищное право*. 2022. № 6. С. 44–48. DOI: 10.18572/1999-477X-2022-6-44-48. EDN HGUHVG.
14. Вяткин В.О. Наследственная стратегия и другие инструменты наследственного планирования // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2024. № 2 (269). С. 64–77. EDN LMFNLU.
15. Путинцева Е.П. Значение интересов наследника при оформлении наследственных прав // *Нотариальный вестник*. 2023. № 10. С. 45–52. DOI: 10.53578/1819-6624_2023_10_45. EDN QPZWRG.

References

1. Kornilova N.V. (2023) On granting the right of use of residential premises as a testamentary refusal. *Aktual'nye problemy prava* [Actual Problems of Law]. No. 10. Pp. 68–72. (In Russian).
2. Shilokhvest O.Yu. (2005) Novelties of inheritance law in the new Housing Code of the Russian Federation (critical analysis). *Journal of Russian Law*. No. 8. Pp. 53–64. (In Russian).
3. Sedova N.A., Minasyan S.K. (2022) Problems associated with the implementation of testamentary refusal. *Modern Science*. No. 5-3. Pp. 193–196. (In Russian).
4. Emelina L.A., Yavorsky S.A. (2025) Confusion of the inheritance law and testamentary renunciation institutions: Problems of theory and practice. *Inheritance Law*. No. 2. Pp. 5–9. DOI: 10.18572/2072-4179-2025-2-5-9 (In Russian).
5. Bepalov Yu.F. (2021) Circumstances of importance for review and resolution of inheritance disputes. *Inheritance Law*. No. 2. Pp. 46–48. DOI: 10.18572/2072-4179-2021-2-46-48. (In Russian).
6. Sakovich O.M., Soloveva S.V., Ternovaya O.A., Shcherbak S.S. (2020) Modern problems of succession law in foreign jurisdictions. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. No. 6 (85). Pp. 67–80. DOI: 10.12737/jflcl.2020.053 (In Russian).
7. Kobchikova E.V., Makarov T.G. (2018) Legal problems of realization of testamentary refusal. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii* [Vestnik of Omsk Law Academy]. Vol. 15. No. 4. Pp. 411–416. DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-4-411-416 (In Russian).
8. Begichev A.V., Slutu P.D. (2021) On the criticism of singular succession in inheritance relationships. *Inheritance Law*. No. 2. Pp. 7–11. DOI: 10.18572/2072-4179-2021-2-7-11. (In Russian).

Гибридная природа завещательного отказа:
границы вещных и обязательственных элементов

9. Forukshina E.A. (2022) Inheritance agreement and will: Similarities and differences between two means of disposal of property in case of death. *Inheritance Law*. No. 4. Pp. 25–28. DOI: 10.18572/2072-4179-2022-4-25-28. (In Russian).
10. Nestolii V.G. (2020) Real legacy to immovable property. *Notarius* [Notary]. No. 6. Pp. 33–37. DOI: 10.18572/1813-1204-2020-6-33-37. (In Russian).
11. Berdegulova L.A. (2020) A statutory share in laws of countries of the continental and Anglo-Saxon law systems. *Inheritance Law*. No. 1. Pp. 39–42. DOI: 10.18572/2072-4179-2020-1-39-42. (In Russian).
12. Evseev E.F. (2023) Restriction of the right of mandatory share in the inheritance: In search of a balance of rights and legitimate interests of heirs. *Statute*. No. 2. Pp. 155–171. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-2-155-171. (In Russian).
13. Khokhlov I.V., Forukshina E.A. (2022) On inheritance of residential premises by means of testamentary foundation and an inheritance agreement. *Family and Housing Law*. No. 6. Pp. 44–48. DOI: 10.18572/1999-477X-2022-6-44-48. (In Russian).
14. Vyatkin V.O. (2024) Inheritance strategy and other estate planning and succession planning tools. *Property Relations in the Russian Federation*. No. 2 (269). Pp. 64–77. (In Russian).
15. Putintseva E.P. (2023) The importance of the heir's interests in the execution of inheritance rights. *Notarial'nyi vestnik* [Notarial Herald]. No. 10. Pp. 45–52. DOI: 10.53578/1819-6624_2023_10_45 (In Russian).

Поступила в редакцию: 28.08.2025

Поступила после рецензирования: 16.09.2025

Принята к публикации: 02.10.2025

Received: 28.08.2025

Revised: 16.09.2025

Accepted: 02.10.2025